

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

С ФИЛЬМА «Господин оформитель» началось шествие этого актера по киноэкранам. Следом за первым «киноужасом» вышел в широкий прокат «Узник замка Иф» по «Графу Монте-Кристо». Скоро нас ожидает новая встреча с В. Авиловым — на студии имени А. П. Довженко режиссер А. Итыгилов снял фильм «Смирненное кладбище».

А весной 1980 года мы поставили «Мольера» Булгакова. Начался другой отсчет времени. Потом мы еще сделали «Лекаря поневоле» самого Мольера. Нам все это было близко. Сами мы тоже находились в положении бродячей труппы. Летом самостоятельно устроили гастроль по Крыму. Нас пригласила Крымская обсерватория. Благо, стояла теплая погода, можно было ночевать на травке возле моря.

С «Мольером» произошло нечто удивительное. Помню, что я по-другому стал ощущать жизнь. Мне вообще 80-й запомнился: проходила Олимпиада, умер Высоцкий...

рование душевных качеств. Можно, наверное, сказать, что мои роли — это мои университеты. Что значит мыслить такими категориями и образами, как Гамлет? Прожить за два часа жизнь Мольера? Нет, это не просто игра. Влияние, разумеется, неважно: вот, мол, сыграл роль и изменился. Но проходят годы, и ощущаешь в себе постоянное накопление глобального духовного багажа, определяющего твое мироощущение.

Люди, знавшие меня раньше и которых давно не видел, говорят, что я очень сильно изменился, просто стал другим человеком с 1980 года.

пулярность актера — дело нормальное.

— Как ты сам оцениваешь свои работы в кино?

— Сейчас скажу, что думаю, — обижу кого-нибудь... В кино я сыграл с десяток ролей. Но с театральными их не сравнишь. Таких глубоких, бездонных ролей в кино у меня пока не было.

На экране эксплуатируют в основном внешний облик, выходные данные. Хотя сейчас Инесса Малышева предложи-

и не заметили, только получить больше стали.

Я понимаю и сочувствую тем студиям, которые сразу открываются хозрасчетными. Ни базы, ни репертуара, ни опыта — как работать? А Театр на Юго-Западе стал хозрасчетным после десяти лет работы. У нас уже были имя, зритель, спектакли.

— Какое твое хобби?

— Рыбалка.

— Витя, ты объездил почти всю Европу, Америку, Япо-

Виктор АВИЛОВ:

«Не стану противоречить Гамлету»

Гамлет, Мольер, Хлестаков, Ланселот, Калигула... О таких ролях театральному актеру можно только мечтать. Авилов их играет. Причем не просто отыгрывает, а проживает, показывая «высший пилотаж» в профессии.

О его Гамлете восторженно писали ведущие шекспироведы мира. Его Мольер стал одной из мощнейших ролей в истории актерского мастерства. Творческому коллективу, руководимому Валерием Беляковичем, рукоплескали зрители Америки, Англии, Италии, Франции, Австрии... А, между тем, начинали они как любительский театр. И легенда о шофере, которому в пору пришлось костюм Датского принца, до сих пор смущает всякое повидавшую столичную публику.

— Виктор, давай начнем с начала...

— «Как вы пришли в театр», да?

— Нет.

— А как?

— Приходится быть оригинальной: «В каком полку служили!»

— ...! В батальоне обеспечения учебного процесса химвойск, сокращенно БОУП. А было это в 1972—1974 годах. Знаешь, значки ВОИР? Ребята любили ими пощеголять: выходило название нашей службы по-английски.

После армии окончил Московский индустриальный техникум по специальности КИП и автоматика. Пошел в НИИ. Поработал год, надоело в кабинете сидеть, сел за баранку — в армии мне приходилось шоферить. Год посидел за рулем, померз в кабине — вернулся опять в институт. Так и ходил то туда, то обратно с 1974-го по 1979 год.

— А потом ты оказался в театре!

— Тогда он назывался клуб «Гагаринец». Райисполком нас облагодетельствовал, выделил три ставки: директора, инструктора и уборщицы. Белякович — на первой, я — на второй, мыли и убрали театр по очереди. Кого инструктировать, по какому вопросу, я так ни разу и не заинтересовался. У нас было свое дело. Валерий вел репетиции, я монтировал спектакли...

Помню, как весной 1989 года прохожие застыли у огромной афиши в центре Киева. «Первый советский фильм ужасов! Манекен убивает человека! Смотрите внимательно! И на все знаки внимания почти родное лицо Виктора Авилова — «звезды» Московского театра на Юго-Западе».

— Как бы сложилась твоя жизнь, если бы ты не встретил Беляковича?

— В театр бы я не попал, в кино тоже. Во всяком случае, если бы увидел где-нибудь объявление «Проводим набор в театр-студию...» — не пошел бы.

— Почему?

— Ну вот так вот. У нас все складывалось иначе. С 1959 года вместе жили в Востряково. С младшим Беляковичем учились в одном классе. Вместе ушли в армию, вместе ходили на танцы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как-то Сергей сказал: «Знаешь, там мой брат театр организует, давай попробуем!» И началось...

— Твое «я», безусловно, влияет на твоих сценических героев, а как они влияют на тебя?

— Конечно, такие роли, как Гамлет, Мольер, Калигула, не могут не влиять на форми-

«Мольер», я считаю, и по сей день — самый сильный спектакль в репертуаре. Это неопишное чувство, когда держишь в напряжении зал, когда в воздухе заряд силы шаровой молнии. Каждый раз после спектакля что-то происходило. То мужчина в мороз один ушел к метро, забыв одеться, то женщина рыдает у роля минут пятнадцать, не может успокоиться.

— Да, я тоже смотрела «Мольера» и могу положить руку на сердце, сказать тебе, что это было одно из сильнейших театральных потрясений в жизни, глубочайший катарсис. Я потом даже разговаривала белыми стихами...

— Но ты знаешь, такое бывает не всегда. Иногда чувствую, что идет сильная выкладка, потом подходят, говорят: «Старик, потрясающе!», а я понимаю, что все равно не то.

— А от чего зависит «то»!

— Если б я знал.

— Кто ты по гороскопу!

— Лев.

— Ну и что — действительно «лев», ты вообще веришь в такие вещи!

— Еще как, 1989 год был моим годом, я родился в год Змеи. Дома у меня масса всяких гороскопов, даже сексуальный есть. А насчет того, лев я или нет... Записывай: «Женщинам со мной лучше не связываться».

— Это почему же!

— Ну вот так вот. Лучше...

— Витя, ты атеист или верующий!

— Я не верующий, но верящий. В церковь молиться не хожу. Верю в высший космический разум, в судьбу.

— Фанаты у эстрадных «звезд» — дело понятное, в театре они появляются лишь у самых-самых. У тебя они есть, как ты к ним относишься?

— Во-первых, я не считаю их «личной собственностью».

Эти люди — поклонники нашего театра, ходят сюда годами. Мы их знаем, они — нас. На Новый год дарят подарки: то зайцев игрушечных, то змей. Во-вторых, я не преувеличиваю своей популярности. Не такой уж и знаменитый, как, скажем, Боярский. Хотя по-

ла сыграть Арбенина в телефильме по лермонтовскому «Маскараду».

— Методы работы и режиссерский стиль Валерия Беляковича очень личностны, ни на кого не похожи. Как ты считаешь, правомерно ли говорить о «системе Беляковича»!

— Школа — творческое лицо нашего лидера. Мы привыкли, что может быть только одна система — Станиславского, «работа актера под водой», как у нас шутят. Парадокс «системы» в том, что ее невозможно применить на практике. Читаешь — верно, мудро, но умозрительно в толк этого никогда не возьмешь, надо только играть, играть и играть, как говорил и делал наш руководитель. Одно дело понять, другое — постичь. Я эту науку постигал наоборот: сначала на практике, потом в теории. И считаю, что так и должно быть. Потом берешь в руки тот же второй том и удивляешься: «Боже мой, я же сам так думал!» Белякович просто знал, «что» и «как», а не изобретал свою систему, как велосипед. В результате творческое лицо приобрело собственное выражение.

— У тебя не было желания стать «воплне» профессионалом, получить диплом!

— Если бы не пришла перестройка, меня, возможно, и грыз вопрос о дипломе. Что сейчас мне дал бы ВГИК или ГИТИС, окромя «корки»? Многие актеры с мировым именем не имеют дипломов и тем не менее считаются профессионалами «высшей пробы». Иннокентий Смоктуновский тоже не учился в театральном, а как играл Галлета и Мышкина.

— Как ты думаешь: хозрасчет и искусство — две вещи совместимые?

— Вообще это сложный вопрос. Но по отношению к нашему театру он не стоял. Мы всегда так работали, с 1981 года. 60 спектаклей в месяц — это норма. И когда театр перешел на хозрасчет, мы этого

никогда не заметили, только получить больше стали.

— Можно я отвечу на твой вопрос?

— Ради бога.

— После всех поездок за границу больше всего меня поразила наша страна. Они там живут нор-ма-льно. Так и должны жить люди. У нас, особенно в творческих кругах, считается неприличным говорить о деньгах. У них это — первый пункт, основа всего дальнейшего.

Когда мы приехали на фестиваль в Эдинбург, там была огромная масса театров. Зритель в таком количестве не разберется, для него все неизвестные. Поэтому нужна реклама. Выхожу на улицу и вижу яркую, шикарную, зовущую рекламу цирка... и наш жалкий листок. В цирк я потом сходил, действительно было здорово, а за нашу страну было стыдно. Насколько мы дремучи в этом отношении. Мы б уже скинулись, сами бы афишки отпечатали, но... нельзя!

— Витя, а что бы ты сказал о «сверхзадаче» своей судьбы!

— Я же тебе говорил, что я человек суеверный. Гамлет утверждает, что «есть, стало быть, на свете существо, устрояющее наши судьбы по-своему». Я ему противоречить не стану.

— У тебя есть любимый праздник!

— А можно сначала скажу о нелюбимом? Только ты не обижайся. Страх как не люблю 8 Марта. Но даже не сам по себе праздник, а эту суету и бестолковые хлопоты, связанные с ним. Господь награждал меня женщинами: бабушка, мама, жена и две дочки. Придешь в магазин за подарками — купить нечего. Ну как тут не злиться!

А о любимом... Какой у нас может быть любимый праздник в стране? Конечно, Новый год. Так что с Новым годом тебя и всех читателей «Комсомольского знамени».

В Театре на Юго-Западе побывала

В. СЕРИКОВА.

Москва — Киев.